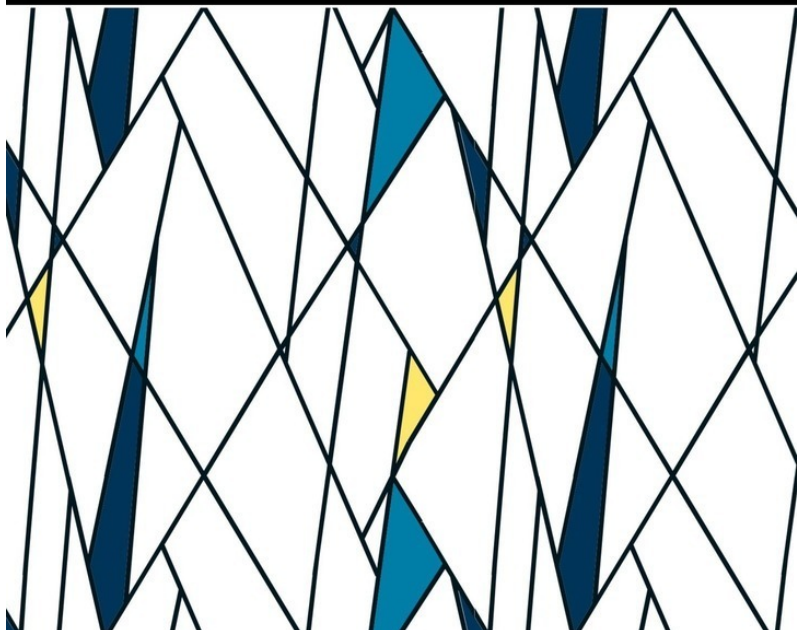

Наталья Субботина

*Афера
с незнакомцем*

Наталья Субботина

Афера с незнакомцем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43114995

ISBN 9785005008787

Аннотация

Снимок плиты с надписью вокруг беременной танцовщицы вызвал у зрителей кучу предположений, что же там на самом деле написано. Если верить переводу, это было заклинание, позволяющее родить от бога любви. Кто ещё сможет похвастаться, что сумел войти в контакт с богом и, главное, доказать это? О том, что ребенок ведь может и родиться, и с ним надо будет что-то делать, я как-то не задумывалась. Это будет просто ребенок. К тому же еще когда это будет? Потом. А сейчас...

Содержание

Наталья Черныш

5

Конец ознакомительного фрагмента.

50

Афера с незнакомцем

Наталья Субботина

© Наталья Субботина, 2019

ISBN 978-5-0050-0878-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наталья Черныш

Афера с незнакомцем

*Если ты никогда не пойдешь в лес, с тобой
никогда ничего не случится,
и твоя жизнь так и не начнется.*

Красная Шапочка

1

*– Мы должны вырваться из привычных рамок
восприятия, раздвинуть стены косности!*

*– К сожалению, когда слишком резво начинают
раздвигать стены, как правило, едет крыша.
(из беседы психиатров)*

Город раскалялся медленно. С конца десятых чисел мая температура ниже тридцати градусов практически не опускалась. Раскалившись же, город начал таять на этой жаре, и приятного в этом было мало. Желтоватая дымка из выхлопа и пыли нависла над городом.

Ощущая себя курицей в раскалённой печи, безумно хотелось свежести, вдохнуть полной грудью, и не распыленной в воздухе таблицы Менделеева, а холодного, желательно морского, воздуха. Увы, дворики с их зелёной прохладой закончились, и дорога вывела меня в крикливый центр, пест-

рящий рекламными щитами, за которыми почти не видно домов. Выйдя на яркое солнце проспекта из тени, я не сразу заметила спрятавшегося за деревом молодого мужчину, целившегося из лука в идущую с собакой-поводырем девушку. Среди бела дня, в центре города, игнорируя текущий по своим делам людской поток.

Конечно, нынешнего человека уже мало чем удивишь, но этот милитаризованный тип своего добился. Я вот удивилась. Равнодушие окружающих меня озадачило. Допускаю, что сейчас всем всё по фиг, но не до такой же степени? Может, кино снимают, или рекламный ролик? В нашем захолустье?..

Оглядываюсь в поисках кинокамер и съёмочной группы. Ничего похожего в радиусе километра, если только они не засели где-то в доме. С другой стороны, долго раздумывать было некогда и никакие последствия в этой жизни меня уже не пугали. Киллеры – народ быстрый, судя по фильмам и репортажам новостей. Доказательство, что он киллер? У него в руках лук с наведенной на живую мишень стрелой. Сейчас застрелит её, а милиции ищи потом этого молодчика-оригинала, как ветра в поле. Извиниться никогда не поздно. Замах – и вот уже моя не по-женски увесистая сумочка обрушивается ему на затылок с глухим «пмм»! Девушка с собакой-поводырем спустилась в подземный переход, так и не узнав, что избежала смерти.

– Дзинь, – выругалась тетива, выплюнув стрелу в облака.

– А – у-у! – взвыл убивец, хватаясь за ушибленное место правой рукой и разворачиваясь ко мне со свирепым лицом. – Ты в своём уме?

– Нет, у соседа одолжила до вторника, – брякнула я, незаметно начиная пятиться к дороге, чтобы вскочить в троллейбус, или автобус, или маршрутку, да хоть чёрту на спину! Уж больно нехороший взгляд у него был, а съёмочная группа с матюгами и претензиями к испорченной плёнке так и не появилась.

Прохожие косились в нашу сторону, но помощь оказывать не желали, проходя с каменными лицами. Лица тех, кто менее озабочен жизнью, загораются любопытством – «скрытая камера» знакома многим, все явно ждут какого-то подвоха.

– Мало одолжила, значит, – голубоглазый мужик (на вид лет двадцать пять), упакованный в джинсу, наступал. – Что у тебя в сумочке – булжники из Великой Китайской стены? – он с гримасой потёр затылок. Под язвительно улыбающимся ртом у него имелся квадратный, чётко очерченный подбородок, выдающий человека решительного.

– Да. То есть, нет, – проблеяла я с натянутой улыбкой, которая все время норовила сползти куда-то к пяткам, составив компанию испуганному сердцу. – Извините, меня ждут. – Я в уме прикидывала скорость убегания и мощность криков о помощи. Всплыл в памяти урок ОБЖ, где нас учили кричать в таких ситуациях не «Милиция, помогите, убивают!», а «Пожар!» или «У меня бомба!».

Остановка общественного транспорта была так спасительно близко. Делаю глубокий вдох для крика и сбивания противника столку.

– Где тебя ждут? В дурдоме? – стрелок резко задрал голову, выискивая стрелу, и скривился от боли, которую вызвало это опрометчивое движение в голове. – Ну вот, теперь из-за тебя одним однополым союзом станет больше.

– Из-за меня? – я даже пятиться перестала. – Так ты из этих... гомофобов, да? – На улице лето давно, все весенние обострения должны были утихнуть вроде.

– У тебя чудовищное греческое произношение, – парня перекосило, как при пытке лимонами. – Пожалей окружающих – не употребляй грецизмы.

– Спасибо, – обиделась я неожиданно. Обычно моё произношение устраивало всех учителей иностранных языков.

– Пожалуйста, – равнодушно бросил мне, засмотревшись на ножки проходившей девицы, выставленные из юбки на июльское солнце дальше некуда. «Мужчины!» – я закатила глаза. Страх постепенно отступил: какой из него убийца, просто чудик. Киллеры не болтают со свидетелями их несостоявшихся преступлений, предпочитая...

– Подожди, – он стремительно, как крутящийся стул секретарши, развернулся ко мне. Я шарахнулась назад. – Так ты что, меня видишь?!!

– Уже нет. И меня тут тоже нет, – постаралась успокоить его улыбкой. Не получилось, улыбка, скорее всего, вышла

кривоватая. Буйный чудик. – Меня бабушка ждёт. Я ей пирожки с мясом несу. – Мои ноги быстро пятили меня вперёд, то есть назад. Тьфу ты!

– А красную шапочку в химчистку сдала? – парень ухмыльнулся совсем по-мальчишески, легко уперевшись охотничьим луком в землю. В голубых глазах его плескалось веселье.

Прохожие косились, но обтекали стрелка, воздерживаясь от комментариев. Солнечный свет заливал золотом его короткие, слегка выющиеся слева, русые волосы и медовую кожу, придавая фигуре некий оттенок нереальности. Или виной всему жгучее полуденное солнце, бывшее мне в глаза, а ему в спину?

– Типа того. Ой! – Незамеченный бордюр выбил почву у пятившейся меня из-под ног.

Уважаемые леди и дамы, джентльмены и рыцари вымерли. Лично констатирую сей прискорбный факт, и в качестве доказательства могу предъявить боль в отбитом копчике и содранный локоть. У него на глазах женщина падает на спину, как опрокинутая палкой черепаха, а он стоит и любит.

– Это карма, – сказал он мне таким тоном, каким говорят, что дважды два четыре. – В следующий раз не лезь, куда не просят, – после чего протянул руку с видом величайшего одолжения. – Ушиблась?

– Да пошёл ты! – рассердилась я, и приблизившийся с другой стороны, с желанием помочь, дядечка в милой плетёной

шляпе отшатнулся. – Извините! Я не вам, – но он уже удалялся, жалея, что сунулся.

– Настоящая леди назовет кошку кошкой, даже если споткнулась об нее и чуть не упала. – Стрелок откровенно забавлялся. Может, в самом деле, скрытая камера где-то? – Я вижу, что ты – не леди.

– Я тоже вижу, что ты не леди, – процедила я сквозь зубы, воочию узрев, что импортные колготки «летят» быстрее местных. Так спешила с работы, что забыла их снять, а еще иду и думаю, чего мне так жарко? Чудовищная стрелка на левой ноге спереди пробежалась от пальцев до того места, где ноги теряют своё гордое имя. Даже вставать с тротуара не хотелось. А всё начальство виновато, которое требует соблюдать дресс-код и даже в жару скрывать от мужчин под одеждой, что у нас, женщин, есть голые ноги, голые руки и другие провоцирующие части тела. – Что здесь смешного? – поднимая на него глаза.

– Может то, что ты беседуешь сама с собой вслух посреди улицы? – Прохожие уже опасливо обходили нас обоих. – Как, говоришь, тебя зовут? – спросил чужак в голубых джинсах, присев на корточки и уставившись на мои коленки. Я чисто машинально одёрнула юбку вниз.

– Меня не зовут, я обычно сама прихожу, – прихватив ушибленную гордость и сумочку под мышку, я похромала к скамейке на остановке, надменно отвергнув всяческую помощь. Перевешенный через руку пиджак очень хотелось вы-

бросить в ближайшие кусты.

Не то чтобы я ненавижу жару, но приятного в высоких температурах мало, честно говоря. Жару я люблю, но только в нерабочее время и при наличии поблизости водоёма. А вот в городе, да ещё и в трудовые будни, это просто медленно убивает. Термометры бьют рекорды день ото дня, отмечая очередной скачок градусов вверх новым количеством пострадавших от тепловых и солнечных ударов.

Пластиковый остановочный павильон разогрелся, как духовка после дня выпекания пирогов. Здесь можно было высиживать цыплят без инкубатора и, естественно, тут можно было побыть в одиночестве.

– Обиделась? – услышав этот голос, я закрипела зубами, мысленно пожелав его обладателю провалиться в тартарары.

– А ведь это мне надо обижаться. Знаешь, как голова гудит? – он присел рядом со мной, не дав времени избавиться от рваных колготок. Этот голос – низкий, чувственный – вполне мог проходить в суде как оружие поражения ближнего действия.

– Заслужил, – буркнула я, сама прекрасно понимая, что начинаю попадать под действие его обаяния. Ну что он ко мне прилип, у меня копчик, между прочим, тоже...

– Я ведь на работе, при исполнении пострадал, можно сказать, – несостоявшийся убийца выжидающе посмотрел на меня. – Почему не спрашиваешь на какой работе? – В голубых глазах плеснула обида.

– Жить хочу. – Чтобы отвлечься, я стала разглядывать ноющие ссадины на локте. Рукав белой шелковой блузки совершенно не пострадал, в отличие от самой руки.

– Прости? Ты за кого меня приняла? За наёмного убийцу? Нет, правда? – Моё смущение его добило: стрелок жизнерадостно захохотал. Откинулся назад, не рассчитал, и со всей силы стукнулся затылком о стенку павильона. Хорошо. Не то чтобы я садистка, но приятно видеть, что кармы не избежать никому.

– Ой-ой! – потёр ушиб. – Может, познакомимся? – предложил дружелюбно. – Ты мне нравишься. Где такие красавицы водятся только?

– Со мной не надо знакомиться, – уверяю, искоса разглядывая его.

– А может?

– Не нужно. – До этого мне не доводилось еще видеть, чтобы светлая оболочка зрачка была обведена тонким черным кружочком.

– Почему? – искренне недоумевал горе-стрелок.

– Мне с вами будет скучно, а вам со мной непонятно.

– Но почему!?

– Потому что мне уже скучно, а вам уже непонятно. – Этот приём был отработан многократно и ни разу еще не давал сбой. Обижались мужики.

– Ну, ты даёшь... – он озадаченно почесал в затылке. – Ель, – добавил тут же.

– Сам ты ель, – не осталась в долгу я, но шёпотом, хотя поблизости никого не было – умные люди толпились в ожидании транспорта под тремя чахлыми липками, пытающимися расти из асфальтового плена.

– Ты не поняла, – фыркнул, откидывая назад прядь золотистых волос небрежным жестом. Плетеный кожаный браслет, чуть потертый, на левом запястье. – Говорят, что меня зовут Лель. – Сейчас он казался вполне нормальным человеком. – А тебя?

– Шёл бы ты, лесом, а? – тоскливо предлагаю ему, не особо, впрочем, надеясь на успех.

– Я тебе не нравлюсь? – с детской обидой воскликнул Лель, положив лук на колени. Видимо, мой взгляд выдал, что думают о нём. – Ты не подумай, что я напрашиваюсь на комплименты, но обычно женщины находят меня весьма привлекательным.

Немного Казанова, немного Дон-Жуан, а в остальном – манеры сорванца, забывшего, что он вырос. Убойная смесь.

– Совсем-совсем не в твоём вкусе? – с долей обиды переспросил он.

– Совсем не в моём, – отрезала я, раздражаясь от его соседства, от порванных колготок, от нескончаемой жары, от...

– Любишь «латинос»? Азиатов? Афроамериканцев? – деловито начал уточнять неприкаянный стрелец.

– Причём тут, кто мне нравится? Серо-буро-малиновые в кубик! Иди занимайся своей работой, что ты ко мне при-

вязался?!

– Работа не волк, – небрежно отмахнулся парень и положил мою ногу со стрелкой себе на колени. Сказать ему, что у меня попа болит, а не нога? Нет уж!

А потом мне сразу стало подозрительно спокойно, как будто обпилась антидепрессантов и улеглась в комнате с полной звукоизоляцией на десять пуховых перин. Из глубины души поднялось желание выразить этому замечательному человеку, мужчине, всю нежность и благодарность, скопившиеся во мне за двадцать с лишним лет. У него такая очаровательная ямочка на правой щеке, когда он улыбается. Я ж его всю жизнь ждала!

– А-у-у-у-у! – взвыл герой, отбросив мою конечность как ядовитую змею. – Ты зачем в меня ногтями впилась, ненормальная?! – Лель тряс рукой, где алыми капельками наливались пять глубоких полумесяцев от ногтей.

– Прости. Мне стало так хорошо, что я решила проверить, не снится ли мне это. Так всегда советуют делать.

– Надо щипать. Да не меня-аа! – Стрелок опасно отодвинул от меня все части своего тела. Райские ощущения пропали без следа. Мсье у нас гипнотизёр. Ну-ну.

Мои глаза волей-неволей замечали, что немногочисленные прохожие и будущие пассажиры, имевшие несчастье оказаться в этот полдень на одной со мной остановке, косились и перешептывались, обсуждая нас. Тем лучше, будут свидетелями.

– Ты на самом деле свихнулась? – помолчав, спросил Лель. Чем-то ему моя персонаглянулась, повезло же. – Или наркоманка? – он преодолел неприязнь в угоду любопытству. – Учти, меня нормальные люди – как вон те на остановке – не видят обычно. Для окружающих ты сейчас беседуешь сама с собой, если тебе интересно.

– Я была нормальной, пока чёрт не толкнул меня под руку связаться с тобой. Теперь сижу вот и беседую с пустым местом. – Мне даже стало интересно, кто он такой на самом деле?

– Я не пустое место, – оскорбился голубоглазый. – Ты меня прекрасно видишь вот. Просто для того чтобы меня увидеть, нужно иметь определённое состояние души, или тела. Сумасшедшие, алкоголики, животные, медиумы, влюблённые, естественно...

– Ты кто? Белая горячка – что ли? – изумилась я. Такой жизненный поворот был весьма неожиданным.

– С виду вполне воспитанная девица, а мысли грязнее некуда, – укоризненно произнес Лель, потирая оцарапанную руку. – Я не понимаю, как такое возможно.

– У каждой «воспитанной девицы», как ты говоришь, море грязных мыслей, открою тебе секрет.

– Да я про то, почему ты меня видишь. У тебя в роду ясно-видящие, ведьмы, колдуны, гадалки, жрецы были? – он нахмурился, став похожим на наклонившего морду шар-пея.

– Нет, – опешила я. Родословное древо свое мне было из-

вестно не дальше пары веток, и ветки эти были вполне нормальными.

– Алкоголизмом родители, дедушки-бабушки страдали? Умственно отсталые, одержимые, блаженные в семье имелись?

– Господи, ты что – нарколог? Какое тебе дело до моих родственников и их отклонений? – возмутилась я.

– Кто-о? – опешил парень, едва не выронив лук. Принявшая на свой счёт обвинение, проходившая мимо тётенька с авоськами, которые хотела пристроить на скамейку в павильоне, стрелой вылетела от нас и ворвалась в уже собиравшийся отходить автобус. Автобус клацнул челюстями дверей, зажав подол юбки резвой дамочки, и укатил, бликуя на солнце плавящимися стеклами.

– Всё сходится: и вопросы, и то, что тебя видят люди в определённом состоянии души или тела. Вот только что ты делал с луком? Отстреливал неизлечимых пациентов? – Беседа получалась дикая и по-своему логичная. Я заметила у него на шее сбоку татуировку в этническом стиле. Солярные символы сейчас редкость. – В дурдом на постоянное местожительства стремишься?

– Это по тебе дурдом плачет! – сердито фыркнул он. – Воображение у тебя – дай бог каждому писателю.

– То есть, ты не нарколог? – уточнила я. – Обидно.

– Что я не нарколог?!

– Такая версия рухнула. Остаётся вариант «б», – со вздо-

хом посмотрела на него.

– Что ещё за «б»? – подозрительно поинтересовался брюнет, загородившись луком.

– Понятия не имею. Но раз не сработал вариант «а», в действие вступает вариант «б». Это логика.

– У меня ощущение, что тебя тоже кто-то по голове стукнул, – интимно склонившись к моему уху, проговорил Лель. – Признайся.

– Увы, нет. – Встаю. Хоть бы уж гроза какая разразилась, принесла с собой свежесть. – Мне действительно пора домой.

– Ты даже не сказала, как тебя зовут.

– Оставим это для нашей следующей встречи, хотя я искренне надеюсь, что её не будет.

– То есть, увидев меня на одной стороне улицы, ты перейдёшь на другую сторону? – В его глазах промелькнуло что-то и пропало. Только губы продолжали улыбаться.

Хмыкаю и отправляюсь ловить маршрутку, спиной чувствуя провожающий взгляд. По дороге домой, я нет-нет, да и возвращалась мыслями к симпатичному, но странному типу с луком.

– Мавра! Ты чего на ходу спишь? – Юлька, стоявшая у нашего подъезда с белым английским бульдогом, схватила меня за плечо. – Ау, Земля вызывает Венеру! – помахала рукой перед моими глазами соседка по этажу и моя лучшая подруга.

– Привет! – улыбаюсь в ответ. Её пёс с хрюканьем завер-

телся между нами, смешно виляя толстой попой.

– Ты в порядке? – Мой потрепанный вид справедливо вызывает у нее недоверие.

– Работа доконала, – глажу хрюкающего кобеля, похожего на оживший пухлик, который сменил подозрительность на желание приласкаться. Мне восторженно обшлунявили всю руку и обе ноги. – Задумалась и спотыкнулась о бордюр, выйдя с архива нашего.

Раскалённая за день земля теперь отдавала жар назад. Даже самые фанатичные любители жары начали мечтать о дожде. Господи, хоть бы маленький дождик пролился, а?

– Бросай ты возиться с бумажками – не твое это! Вот у меня действительно работа не для слабонервных. Попробуй сутки руководить сотней капризных мужиков. – Юлька цвела и пахла, опровергая собственные слова. К тому же, работать диспетчером в такси ей нравилось. – Кончай глупостями заниматься и переходи к нам. У нас холостяков знаешь сколько!

– Я подумаю, – обещаю ей в очередной раз. Высокая, фигуристая шатенка с шоколадными глазами шла по жизни с улыбкой и гордо поднятой головой. Мужчины не просто оборачивались ей вслед, а с удовольствием были готовы идти за ней хоть к чёрту на рога.

Подружились мы сразу, как я переехала в квартиру сестрицы. Мировая девка – иначе не скажешь. Если нужно охарактеризовать человека, то с ней бы я в разведку пошла. За-

муж Юлька выскочила, проработав всего полгода, причём отхватила сразу зам. директора – привлекательного и ревнивого. Но работа в мужском коллективе ей так нравилась, что даже большую часть беременности их сыном Юлька провела у микрофона. Об изменах и речи не шло, брак был по любви, дело было в самой атмосфере флирта. Её декрет был одним из самых коротких, наверное, – месяц. Дома ей решительно не сиделось, к несчастью для мужа.

– Представляешь, сегодня гуляем. Останавливается тетка и спрашивает: «Это какая у вас порода?» Я ей «бульдог». И дальше она мне тааааким тоном говорит, что хочется дать по голове, прям эксперты по породе у нас тетки на улицах: «Чееего? Вы что, вас обманули, никакой у вас не бульдог». Я в ужасе: «А кто это, по-вашему?» И слышу: «Ну вы, дэушка, наверно, не в курсе, это же бультерьер! Их вывели для заваливания быков!!! Так в книжке написали... Я ТАКИХ вообще боюсь ужасно! А, кстати, почему он у вас не злой?»

Мы рассмеялись. Неособаченный народ упорно не хотел признавать английского бульдога за породу как таковую. Жупик уже кем-то только не был, если верить репликам прохожих. Юлька грозила скоро книжку издать с цитатами. По малолетству английского бульдожку часто называли шарпеем, видимо из-за складочек, затем мопсом с неправильным окрасом (хороший такой мопс, откормленный – двадцать два кг), недавно стал боксером, перекормленным – потому вверх и не растёт из-за избытка веса, да ещё и уши

не обрезаны – а так обыкновенный боксер! Но самое лучшее определение ему дал мальчик на улице «игрушка с челюстью шагающего экскаватора»! Еще почему-то часто спрашивают, спит ли Жупик с ними в кровати, хотя кому какое дело?

Вопль автомобильной сигнализации прямо за спиной заставил нас подскочить. Оборачиваемся с Юлькой на звук и видим, как девчонка лет шести разбегается – и с размаху плашмя – падает на капот новенького «форда». Ничего себе у детей игры пошли! Не успели мы открыть рот и высказать все, что думаем по этому поводу, а из окна на восьмом этаже высунулась злая мужская физиономия. Мужик был уже готов порвать всех и вся, но, увидев вместо автоугонщиков дитя с бантами, подавился всеми четырьмя томами мата. Девчонка расплылась в довольной улыбке, сползла с капота и закричала на весь двор:

– Пап, можно я ещё немного погуляю?

– Сколько раз я тебя просил, Рита! Есть же домофон, в конце концов, – гаркает отец. Золотые кудряшки собраны в задорные хвостики, футболка с зайцем и розовые бриджки, а глазки с надеждой смотрят на любимого всемогущего папочку. – Хорошо, – оттаивает папа, – погуляй еще пятнадцать минут – и домой.

Счастливое дитя вприпрыжку уносится в сторону детской площадки, оставив нас стоять с открытым ртом.

– Не смей! Вон травка, – Юлька, заметив попытки Жупика нагадить на тротуар, кинулась к псу.

– Ну, я пойду! – машу рукой. – Заходи, как будет время.
– Сама не пропадай!

Дом встретил тишиной. Шлепаю в ванную, морщась от дергающей боли в ушибленных местах. Все, что мне сейчас нужно – это ванна, бокал чего-нибудь холодного и новая жизнь.

2

Всё самое удивительное и интересное случается с девушкой, когда она не накрашена (с).

С закрытыми глазами стремительно добегаю от кровати до туалета, спеша расстаться с содержимым желудка. Постояв полминуты над «белым фаянсовым другом» и убедившись, что дальше можно отдать только внутренности, я, кряхтя, встала с коленок. Хорошо, что коврик у меня в ванной мягкий, хоть и прорезиненный. Чтобы я еще хоть раз согласилась отмечать на природе народные праздники... Даже не помню, как попала вчера домой, только то, что на минутку прикрыла глаза у костра.

– На. – Мужской голос и стакан воды не сразу были восприняты моим сознанием, ещё не оклемавшимся после чересчур энергичного пробуждения. Благодарно приняв стакан, я прополоскала рот и допила остаток воды. По мере того, как жидкость возрождала организм к жизни, сознание растормозилось – и я подавилась последним глотком.

– Спокойно, – ласково сказали мне, хлопая ладонью

по моей спине, как хлопнушкой по пропылившемуся ковру. –
Всё? Ещё похлопать?

Испуганно мотая головой, я разогнулась. Живу я сейчас одна, на личном фронте долговременное затишье, тогда выходит, что я притащила кого-то со вчерашнего гульбища? Или он меня притащил? Ничегошеньки не помню. «Переспали – не переспали» подавно осталось где-то в тумане утраченных воспоминаний. Хотя лицо вроде знакомое. Надо было как-то реагировать на его присутствие.

Мои красные, как у топившейся белой мыши, глаза-щёлочки хмуро изучали мужскую особь. Миленькие жёлтые шорты по колено, белая футболка с рисунком вороного жеребца, восседающего на «харлее» и подписью сверху «Машина любви».

– Кха-кха... – прочистила горло, сама испугавшись хрипато-го голоса. Что же было в той выпивке намешано, раз у меня в голове такая каша? – Спасибо.

– На здоровье. – Парень явно ожидал от меня какой-то другой реакции.

– Ты вчера был просто... блеск, – стараюсь говорить тише, щадя раздувшуюся стеклянную голову, в которой каждый звук отдается губительным звоном. – Мне нужно сейчас ну, ты понимаешь...

– Привести себя в порядок? – милостиво подбрасывает мне фразу.

– Да.

– А, может, мы вместе?.. – игриво стрелял бровями, выталкиваемый из ванной, неопознанный любовник.

– Нет! – скривившись от собственной громогласности, выпихиваю его и быстро захлопываю дверь. – Уф!

Избегая зеркала над раковиной, включаю воду, чтобы принять контрастный душ. «Заткнись, зеркальце! Я просто накраситься пришла». Красть у меня нечего, моей гудящей голове было плевать на любые мысли, потому что между висками билась гулкая больная тишина. Так, сначала горячая вода...

Когда утренняя свежесть снизошла и на меня грешную, я выскочила из ванны. Лёгкий макияж – гость, всё-таки. С одеждой возникли проблемы, поэтому телу пришлось ограничиться коротким полотенцем и чёрными гипюровыми трусиками-шортиками. Так и не вспомнив, кто мой гость такой, и выпятив грудь колесом как главный отвлекающий внимание фактор, я покинула ванную. И так уже дважды стучал в дверь, чтобы поторопилась.

– Ну, заходите, девушка, раз уж залетели! – заявили мне, как будто это я случайно заскочила в гости. – Это анекдот такой, знаешь? Про девушку, которая врывается к гинекологу. Кстати, что ты там делала столько времени – хотела утопиться? – он, сложив руки на груди, ждал меня у стены. Его глаза с удовольствием обследовали моё полуобнаженное тело, прошествовавшее мимо.

– С какой стати мне топиться? – по дороге в спальню на-

шла почти свежую, рваную в нужных местах футболку, заброшенную на дверь. В самой спальне обнаружился форменный кавардак из одежды: лифчик болтался на шкафу, сарафан закрывал монитор компьютера, один чулок (откуда он взялся?) свисал с люстры, второго не было видно, а из шкафа была вывалена вся одежда. Что тут делали? Искали клад? Устроили маленькую оргию? Под стулом мелькнули джинсовые шортики. Сойдёт. – Отвернись!

– Зачем? – не понял он. – Я уже видел здесь всё.

– Меня не волнует, что ты видел, а что упустил, – дождавшись, когда ко мне повернётся его спина, переодеваюсь. – Так как говоришь, тебя зовут? – извиваясь, влезаю в шортики. – Завтракать будешь? – не получив ответа, ныряю в футболку. – Пошли на кухню... ээ? – Имя его я вспомнила бы разве что под гипнозом, но что-то рядом ни одного доброго гипнотизёра не было видно.

– Ты не помнишь? – Сей факт его прямо убил, если судить по голосу. – Я думал, женщины ничего не забывают, как слоны, – заявил он, следуя за мной по пятам на кухню.

– А ты мне напомни. – По пути с облегчением замечаю, что зал не пострадал и имеет почти образцовый вид. Похоже, нам хватило спальни. Чем он занимался, пока я была в ванной? Хоть бы чайник поставил, не говоря уж о банальной яичнице. Мужчины!

– Что напомнить? – с подозрением спросил он.

– Всё. Кто ты? Как тебя зовут? Сколько тебе лет? Сколько

у тебя детей?

Густые, слегка вьющиеся золотистые волосы. Красиво очерченные губы и волевой подбородок. Его лицо упорно кажется знакомым: наверное, мы вместе возвращалась с Купальских игрищ. Не в коридоре же я его встретила и сюда затащила. А куда делись Ольга с мужем? Черт, не помню ничего.

Чайник бодро забулькал водой, а я нырнула в холодильник. Не густо. И кушать зверски хочется. Устроить скандал с изгнанием, что ли, чтобы самой больше досталось? Ладно, он-то не виноват, если задуматься. Накормим, а уже потом изгоним.

– Говорят, что меня зовут Лель.

Керамическая маслѐнка выпала из рук и замерзший кусок масла, шлепнувшись мне на ногу, отскочил под стул. Моя спина медленно распрямилась. Холодильник мягко чпокнул, закрываясь.

– О-о-о-о не-е-ет! – Память услужливо, как будто только и ждала этих слов, выдала события недельной давности. Как можно было забыть такое бредовое знакомство?!

Лель, на всякий случай, отступил, уперевшись в стенку – кухня-то маленькая. Стенка с встроенной техникой занимала большую часть пространства. Оставшиеся свободными метры делили выросший под потолок холодильник и обеденный стол, в сопровождении углового диванчика.

– Скажи мне, что я сплю, – с надеждой смотрю на гостя.

– Не думаю, – осторожно покачал головой тот.

– Хорошо (хотя, что же тут хорошего может быть?), – гляжу на него тоскливо, вытаскивая масло из-под стула. – Объясни мне тогда, как меня нашёл? – любопытствую, сдувая микробов с масла и водружая его в масленку на столе. Всегда знала, что город – это большая деревня. Четверо знакомы друг через друга со всем городом.

– Меня родила... – со вздохом начал гость.

Чем больше узнаю незваных гостей, тем больше люблю татар.

– Так много знать мне не надо, – машинально убираю с плиты вскипевший чайник. – Начни с того, как ты сюда попал.

– Не уверен... Как бы тебе помягче сказать?.. – начал мямлить Лель, уставившись на низ моего живота.

– Говори как есть, – внутренне я была готова ко всему, в том числе и к тому, что подхватила от него какую-то дрянь. Только ноги немного дрожали где-то в коленках.

– Ты читала некоторое время назад заклинание, помнишь? – осторожно спросил он.

– Это-то причём здесь? – растерялась я. Для одного похмельного утра сложностей было слишком много. – Я тебя спрашиваю, как ты сюда попал? – Пытаюсь вспомнить лица всех, кого видела на гулянии. Нет, его там точно не было – я бы заметила.

– Я и пытаюсь ответить! – огрызнулся парень. – Отойди,

ты же босиком. Где у тебя мусорное ведро? Угу.

– Мне не надо с начала времён. Как ты сюда попал? – захотелось убить того, кто подкинул мне такую свинью. И заодно узнать, как сюда попала я сама. Скорее всего, завезли Оля с мужем.

– Пришёл, – ответил он, неловко пожав плечами.

– Просто вот так взял и пришел? Как это? Адрес откуда узнал? – Мысли передвигались по голове медленно-медленно. – Ты за мной вчера следил? – запоздало осенило меня нехорошее подозрение.

– Очень надо, – фыркнул он. – Ты тугодумка от природы или брала уроки? Я ведь пытаюсь...

– На себя посмотри.

– Для меня найти кого-либо не составит труда, – объяснил Лель надменно, скрестив на груди руки. – Как для тебя найти проблему на свои вторые девяносто.

– Хам! – я села на стул. Желудок предательски заурчал.

Разыграв тугоухость, Лель начал деловито готовить стол к завтраку. Для человека, который у меня дома первый раз, он слишком хорошо ориентировался, где что стоит. На клеенчатой скатерти быстро появились бутерброды с сыром, мармелад, хлеб, варенье в чашке из шкафа. Он все тщательно и долго обнюхивал, прежде чем выставить на стол. Конечно, готовлю я не часто, но дежурные продукты у меня всегда первой свежести. Сковородка с удовольствием приняла на себя разбитые яйца с кусочками колбасы и зеленью.

– Я тоже не в восторге от наших встреч, но кто же виноват, что люди никогда не думают о последствиях? – сказал он, переворачивая лопаткой яичницу.

Думаю, и о последствиях в том числе. Только разумного объяснение появления у меня на кухне этого типа не нашлось. Чего он хочет? Кто он? Псих?

– Ешь, – передо мной плюхнули тарелку с занюханной, почти до исчезновения запаха, яичницей. – Может быть, сытая ты более нормальная.

– А в квартиру ты как попал? – я застыла с вилкой и ножом. Ножом обычно я только в ресторане пользуюсь, а тут схватилась на всякий случай.

– Было не заперто, – ошарашил он меня.

«Это надо же так напиться! – подумала я. – Так ведь убьют и ограбят, а я и не узнаю. Собаку, что ли завести?» Шальная мысль завести собаку периодически навевалась в мою голову, чаще всего это происходило после просмотра очередного фильма о святой дружбе человек-собака. Я задумывалась о породе собаки, о кличке, о прекрасных вечерах вдвоём. Но следом приходили мысли о том, что собачку эту надо кому-то будет выгуливать, дрессировать, мыть, кормить... И желание как-то само собой сходило на нет. А сейчас вот очень захотелось, чтобы у меня была собака. Большая и злобная.

– Ты не голодный? – спрашиваю Лёля. – Ну, смотри, – начинаю есть, чтобы выиграть немного времени на обдумыва-

ние своих дальнейших действий. Вкусно, кстати. – И чего ты от меня хочешь?

– Объяснений, – Лель сел напротив, как заботливая бабушка, наблюдающая за питанием любимой внучки.

– И я их хочу. Давай сначала ты. – Желудок настоятельно требовал продолжать прием пищи, угрожая начать переваривать самого себя. Яичница оказалась божественной. Чем хорошо моё похмелье, что справиться с ним можно ещё и едой, если выпивка закончилась вчера. Прекрасная наследственная черта.

– Повторяю для особо одарённых, – незванный гость почесал нос. – Ты читала заклинание?

– Когда?

– Месяц назад.

– Ну, допустим... – Вопреки чисто женской привычке никогда не признаваться в том, что сделала, вынуждена согласиться.

– Слава богам! – воздел руки к потолку Лель. – А где ты его взяла?

– Ум-м, – усердно киваю, так как рот набит. – У Насти одолжила «Книгу заговоров и колдовства», – поясняю, тщательно пережевывая. Напряженное лицо гостя вызывает большое искушение начать нести ахинею. – Три раза, как полная дура, читала заклинание о возврате любви. На рассвете. На балконе. И что?

– Что? – повторил за мной Лель.

– И ни-че-го. А ты откуда знаешь про заклинание? – Мысль о том, что он за мной следил, казалась все более правдоподобной и пугающей.

– Ты уверена? – уточнил он, не слыша моего вопроса.

– Ты видишь здесь мужчину, кроме себя? – обвожу рукой комнату. Он оглядел кухню и помотал головой, дескать, не вижу. – Значит, не подействовало. Не вернулся Коля.

– У Насти этой книга откуда? Она – знахарка или колдунья? – нахмурился парень.

– Да в книжном лотке купила, когда решила колдовской салон открыть на дому, – пожимаю плечами. – Салон так и не открыла, а литературы на целую библиотеку накупила.

Лель что-то просчитал в уме, подняв глаза к потолку, и сказал:

– Не сходится.

– Что не сходится? То, что я как идиотка талдычила абракадабру? – отодвигаю тарелку и тянусь за банкой растворимого кофе. Молотый неделю как кончился, а в зернах купить вечно забываю. – Или то, что Настя подруге не помогла? У неё бабушка настоящей мастерицей была, между прочим. К ней из других областей приезжали. Только бабушка дар свой с собой унесла и осталась Настька без прибыли. – Кофе подло кончился на моей чашке.

– А ещё взрослый человек, – он укоризненно посмотрел на меня и покосился на отложенные мною в сторону столовые приборы. – Бабушка у неё, может быть, и была мастери-

цей, а вы с Настей этой просто дуры, – сняв турку с закипевшей водой, заваривает мне кофе в чашке. От кипятка, растворившего порошок, по комнате поплыл слабый аромат.

– Ты тоже мальчик с тараканами, знаешь? – делаю первый глоток и блаженно опускаю веки.

– Нет у меня тараканов! – дёрнулся парень, нервно отряхивая одежду, заставив меня подскочить от неожиданности, чудом не облившись кофе. – И вшей нет, и блох!

– Это образное выражение, то есть человек ты со странностями. Подай вафли – они у тебя за спиной.

– Ты тоже с тараканами, большими тараканами, – просветил меня гость не без злорадства. Взял с подоконника красную герань в горшке и с удовольствием стал нюхать. И после этого я со странностями.

– У меня столько тараканов в голове, что я уже перестала давать им имена, – философски пожимаю плечами, обойдусь и без вафлей. После каждого глотка жизнь становилась всё краше. – Ты узнал всё, что хотел?

– Тебе известно, что эти цветы заряжают воздух отрицательными ионами, которые улучшают атмосферу в доме, – с видом завязтого наркомана он кайфовал от запаха герани, как будто она была коноплём, но, взглянув на меня, послушно вернулся к теме разговора. – Ваша книга была пиратская.

– Не было там ничего о пиратах. Обычная дешёвая книжка с заклинаниями – такие сейчас на каждом углу продаются. Чёрная и белая магия для мгновенного результата, – рас-

тягиваю последние глотки кофе.

– Помоги мне Небо, – Лель вернул цветок на подоконник. – Она – незаконное воспроизведение чужого мыслительного труда в массовых количествах.

– Чьего труда? – удивилась я. – Это старинные сибирские народные заговоры. Им уже сотни лет. Иди вон возьми её на полке в зале. – Лель протянул руку и достал из-за горшка с азалией на подоконнике книгу заклинаний. – Странно, я думала она...

Он брезгливо пролистал книжку, изредка вчитываясь в строчки заговоров.

– Это всё полный бред, а не заклинания, – обвиняющее уставился на меня. – Ты не могла воспользоваться ни одним из них.

– Не пойму, какое тебе может быть дело до этого, – с сожалением ставлю почти пустую чашку. – Дай сюда, покажу. Вот, – сверившись с содержанием, показываю заговор из раздела чёрной магии. – На возврат настоящей любви, – снова беру чашку.

– У тебя мозги набекрень? – Лель с ужасом посмотрел на меня, как будто я сунула кровоточащую руку в аквариум с пираньями.

– Можно повежливее?

– Я никогда не пойму людей, – раздражённо поджал губы. – Ты владеешь эламским языком?

– Нет, слава тебе господи. А что? – Это было бы да-

же забавно, если бы происходило по телевизору. Беседовать на собственной кухне с психом оказалось сомнительным удовольствием.

– Ах, не владеешь! – подозрительно прищурился.

– Я и другими языками мира не владею. Это же не преступление.

– Тогда как же ты прочитала ЭТО? – ткнул пальцем в страницу с вязью заклинания.

– Как все, – забираю книгу. – Тут же всё понятно написано. «Это древнее заклинание очень мощное. Мы выменяли его у старой таёжной колдуньи за немыслимую цену. Вся его сила именно в словах, поэтому мы не приводим транскрипцию или перевод. Каждый, кто захочет им воспользоваться, должен прочитать его сам. Главное, пылко желать воплощения своих...»

– Хватит! – скривился он. – Ты же вроде взрослый человек, с высшим образованием...

– В любви, как и на войне, нет запретов, – отвечаю с растущим раздражением в голосе.

– Да неужели? – ехидно спросил Лель. – И ты действительно прочитала ЭТО?

– Да чего ты пристал? Заняться больше нечем? Ты из службы по борьбе с незаконным колдовством? Оштрафовать меня хочешь? – Теперь и моё терпение дало трещину. Явился черт знает откуда и достаёт глупостями, вместо того, чтобы объяснить чего ему от меня надо.

– При прочтении любого заклинания важно всё: дыхание, мысленный настрой, поза, и уж, конечно, каждый звук и буква, – менторским тоном начал он. – А ты переврала половину и без того неправильных здешних слов!! – заорал что есть мочи, заставив меня отшатнуться назад. – Ты произнесла совершенно ДРУГОЕ заклинание, понимаешь??! Писака этой книжонки и то был ближе к оригиналу. Ты что, сочиняла на ходу то, чего не понимала?

– Ну и что? – робко спрашиваю у него – под ложечкой тоскливо заныло. – Теперь будет конец света? – Вспомнился десяток фильмов ужасов и катастроф по случаю.

– Не знаю что хуже. – Он и в самом деле был опечален.

– Можешь внятно сказать, что произошло? – пытаюсь выяснить размах катастрофы. Не то, чтобы я поверила его бредням, но надо поддерживать иллюзию – вдруг буйствовать начнет. Я ведь еще не вспомнила, где мобильник лежит, чтобы вызвать по нему психушку.

– Ты стала *почти бессмертной*, – скорбно сказал он. С таким лицом о последней стадии рака сообщают больному. – Временно.

Я захохотала. Успокоиться, глядя на его постную мину, было сложно.

– Закончила? – кисло поинтересовался он. – Не вижу никакого повода для веселья.

– И что мне это даёт? – подыгрывая ему, спросила я. А ведь почти поверила в этот бред. Надеюсь, он не буйный

хотя бы. И телефона, как назло, нет под рукой.

– Например, почти бессмертие. – У парня был вид заговорившего под пытками партизана.

– Как это? – заинтересовалась я.

– Если тебе на голову упадёт наковальня – ты умрёшь, – судя по его лицу, пример был намеренно примитивный, – а если сумеешь избежать разных «наковален», то проживёшь лет пятьсот или всю тысячу. Но при твоей способности притягивать проблемы, тебе грозит прожить лет сто, так что не раскатывай губу, – ехидно добавил он. – Твой иммунитет теперь справится с любой болезнью и раной. Ещё сотни преимуществ, в частности, способность видеть магические существа и общаться с ними.

– С гоблинами и зелёными чертями, что ли? – фыркаю в ответ. – Сомнительное преимущество какое-то.

– Не знаю, куда в дальнейшем ты засунешь свой нос, но не исключаю такой возможности. Что ты сейчас чувствуешь? – разговор не доставлял ему никакого удовольствия. Очень нетипичный сумасшедший. Их обычно хлебом не корми, дай поговорить о наболевшем.

– Ничего, – пожимаю плечами.

– Прислушайся к себе, я не собираюсь торчать у тебя весь день.

– Надеюсь! – попыталась вслушаться в себя. Сытый организм безмолвствовал. – Ничего! – Под его мрачным взглядом брякнула первое же ощущение: – В ухе левом звенит.

– Нельзя же быть такой глухой к миру идиоткой, – Леля начинало раздражать происходящее.

– А что я такого сказала? – делаю круглые глаза. Злить его почему-то стало очень весело.

– Ты паясничаеть, вместо того, чтобы вести серьезный разговор. Между тем, тебе пора учиться распознавать, кто вокруг тебя находится. Вот кто я?

– И кто же ты? – Язык меня однажды до могилы доведёт. Мне это не раз предрекали, но ничего с собой поделатъ не могу. Язвить и подкалывать – моя вторая, или первая натура.

– Я – бог, – выпятив подбородок, процедил он, чувствуя мой ехидный настрой. – Но откуда поколению пепси знать свою мифологию? – презрительно закатил глаза.

Я громко заржала, как вся Первая конная товарища Буденного. Нервно, неестественно и очень близко к буйной истерике. А чего он ожидал: песнопений, цветочных гирлянд и вакханалий? Только этого мне не хватало.

– Прекрати. – Лицо у него стало злое. – Или я... Я за себя не ручаюсь!

С огромным трудом мне удалось задавить приближающуюся истерику. Осталась редкая, но сильная икота.

– До-Ок-кажи! – храбро подначила я его. Мне таки попался буйный сумасшедший. Везет как утопленнику, что называется.

– Пожалуйста, – Лель взмахнул рукой на манер иллюзи-

ониста. И тут мне все стало ясно окончательно. – Кто ещё так сможет? – Он лихо взмыл к потолку, со следами недавнего затопления в углу, где и разлёгся как патриций, только без ложа. – Ты куда? – Воздушным шариком поплыл за мной из кухни в зал.

– СкоОорую вЫзвать. – Ненавижу икоту. Хуже неё только насморк.

– Тебе плохо?!

– ХорОшо.

– А-а! Для меня – что ли? Почему не милицию? – хмыкнул он. – Меня всё равно ведь не увидят, а у тебя будут проблемы, – Лель с легким интересом осматривает зал. Семейные фотографии вдоль кремовых стен, тибетский круглый ковёр на полу, вальяжные диваны и пара кресел перед плазменным экраном домашнего кинотеатра на стене. Стойка бара скромно притулилась у французского окна со шторами ручной отделки.

– СебЕ. Меня они тОчно заметЯт, хоть я и не болтАюсь под потолок-Ик-ком! – На другом конце было занято. Не одной мне требовалась помощь людей в белых халатах.

– Глупо, – сказал мой личный глюк, оборачиваясь от окна. – Ты не ценишь подарков судьбы.

Кажется, отравление таблетками месяц назад все же не прошло бесследно и вызвало изменения в мозге. А вроде ведь хорошо себя чувствовала, разве что желудок стал чувствителен к еде, но это прекрасно объяснялось тем, что таб-

летки обожгли его слизистую. Хотя странно, что галлюцинации явились с опозданием. Всё у меня не как у людей. Возможно, следовало полечиться в больнице, а не сбегать оттуда на второй день?

В «скорой» всё ещё было занято. Так ведь и умереть можно, не дозвонившись до них. По крайней мере ситуация с появлением этого чокнутого прояснилась. Я даже успокоилась и сразу перестала икать.

– Хочешь анекдот? – спрашиваю у расположившегося на спинке дивана гостя, разглядывающего развешанные на стенах фотографии членов моей семьи.

– Давай, – Лель пристально разглядывал фотографию, где моя сестра с мужем и племянниками стоит на палубе яхты. Море и небо почти сливаются в одно целое за их спинами. Моё спокойствие незваного гостя слегка нервировало. Забавно.

– Идёт мужик по улице. Ведёт за собой крокодила на верёвочке. Крокодил ему говорит: «По жаре, по асфальту, животик исцарапаю... Смерти моей хочешь?!» Мужик доходит до остановки, садится в автобус. Крокодил ему: «Вот бабка на лапку наступила, перегаром пахнет, дышать нечем... смерти моей хочешь?!» Мужик выходит из автобуса, останавливает такси, садится. Крокодил не унимается: «Вот таксист молодой, на жёлтый свет проехал. Скорость превышает – наверное, лихач... Смерти моей хочешь?!» Мужик останавливает такси, выходит, снова идут они по улице. Только

крокодил хотел заговорить, мужик его перебивает: «Слушай, если опять будешь канючить, то я сейчас выпью ещё стакан – и ты исчезнешь так же, как и появился!»

– Это ты к чему? – поначалу хихикнул, а потом нахмурился блондин. Фотографии были забыты.

– Да так, время убиваю, – снова начинаю терзать телефон.

– Вот некоторые всю жизнь мучаются, бьются из последних сил, чтобы получить хоть часть того, что свалилось на тебя...

– Бьются головой о камни? – На другом конце пошёл вызов.

– Я имел в виду... Брось! – он выхватил трубку и сбросил кричащую тётку снова в неизвестность. – Не дури. Просто представь, сколько выгоды...

– Так ты кто – бог Коммерции или Любви? – Пятилетнее обучение в стенах высшего учебного заведения не прошло даром, я наконец вспомнила: Лель – бог любви древних славян, аналогичный римскому Амуру и греческому Эросу. Поднатужившись, память извлекла на свет упоминание о «Снегурочке» Чайковского и пастушке Леле.

– Поверила, наконец-то?! – обрадовано вскричал он.

– А мне есть с чего не верить собственным глюкам? – я села в кресло. Забавно беседовать с галлюцинациями. – В дурдом я всегда успею.

– Мавра, ты разумная молодая женщина, – патетично начал Лель.

– То есть я могу на «раз» сойти с ума, вернее, уже сошла.

– Никуда ты не сходишь, – сердито воскликнул он. – Да что тебя так тянет в психушку? Друзей там много?

Качаю головой.

– У тебя довольно нестандартная реакция на происходящее. Нестандартная – это ещё мягко сказано, – Лель сложил руки на груди, приготовившись читать мне лекцию. – Например, тебя бросил этот самый Коля, с которым вы встречались два года. Укатил на заработки в Москву. Ты глотаешь три пачки снотворного и напиваешься. Твоя подруга Юля вызвала спасателей, потому что её собака выла как сумасшедшая. Тебя чудом успели отвезти в больницу и откачать. Оклемавшись, ты обращаешься к шарлатанке – да, шарлатанке! – и читаешь заклинание на возврат любви, – посмотрел на меня как на убогую. – В том заклинании НЕТ И СЛОВА о любви, чтоб ты знала! Это заклятье чумы, к тому же до сих пор работающее. Могу себе представить, что было бы, если ты прочитала его с ненавистью, – потёр переносицу, не видя моего побелевшего лица. – Коля твой вернулся, каким-то чудом, но ты спустила его с лестницы на виду всех соседей. Зачем всё это надо было делать?! Объясни!

Я скривилась. Глупо всё вышло. Но жизнь тогда казалась совершенно бессмысленной, да и сейчас...

– Невезучая потому что.

– Что? – не понял он.

– Была бы везучая – умерла. Вместо этого получила, – вы-

разительно покосилась на него, – головную боль.

– Ох уж мне этот скептицизм атеистов! – пренебрежительно отмахнулся мой глюк.

– Я верю в бога! – с этими словами сунула ему в лицо натальную серебряную иконку Божьей матери. Господи, до чего я докатилась?

– Мавра, – он отодвинул от носа иконку с видом взрослого, которому трёхлетний малыш принёс доказательство существования барабашек, найденное под кроватью и оказавшееся раздавленным тараканом, – ты действительно дура. Часто к тебе боги являются?

– Лиха беда начало. И прекрати меня обзывать. Себя могу обижать только я.

– Слушай, может, тебе и в самом деле в дурдоме лучше будет? – озабоченно нахмурился Лель.

– Господи, когда ж меня отпустит? – с тоской воскликнула я.

– Никто тебя не держит, если не заметила.

– Анекдот такой есть и тебе, как моему глюку, стыдно его не знать. Стыдно!

– Тяжёлый случай, – прокомментировал вслух залётный гость, приложив ладонь ко лбу.

– Ну, раз не знаешь – слушай, – перекидываю ногу на ногу. – Тебе понравится. Идёт наркоман по парку и несёт на руках розового слоника. Вдруг слоник говорит: «Отпусти меня в травку побегать». Слоник побегал, побегал, вернулся

обратно и запрыгнул на руки, идут дальше. Слоник снова: «Отпусти меня в травку пописать». Слоник побегал, пописал и запрыгнул на руки, идут дальше... Слоник снова: «Отпусти меня в травку побегать». Наркоман отпускает слоника в травку и думает: «Господи, когда ж меня отпустит...»

– Розовый слоник – это я? – ухмыльнулся Лель.

– Слушай, может, откупиться от тебя можно? – с загоревшейся надеждой открытым текстом предлагаю ему.

– Не валяй... – он пожевал губами. – О чём мы вообще говорим? Я совсем запутался.

– О том, что ты здесь делаешь.

– Я ведь уже объяснил: ты прочитала это дурацкое заклинание. Одно из побочных действий его – способность видеть богов, поэтому ты и увидела меня там, на улице. И видишь сейчас. Сможешь ли ты видеть нас потом, – задумался, пожал плечами, – не знаю.

– Да что я такого произнесла-то?! – возопила я в отчаянии. Ничего не понимаю. – Пожелала, что бы ты вечно торчал у меня перед глазами?! Я просто хотела вернуть Колю...

– Пинками гоня его с лестницы? – вытаращил на меня глаза Лель. – Ты садистка, что ли, Мавра? Или просто сама не знаешь, чего хочешь? Он даже вернулся к тебе, хотя заклинание было совсем не о том!

– Он не ко мне вернулся, а вещи забрать свои!

Лель секунду смотрела на меня, а потом расхохотался. Летящую в него вазу, правда, успел заметить, поэтому увернул-

ся. Осколки жалобно брызнули во все стороны. Эта ваза мне никогда не нравилась, кстати.

Коля с детства расписал свою жизнь. В каждый из периодов его жизни (садик, школа, армия, университет) у него обязательно должна была быть девушка. Из этих самых девушек он планировал в своё время выбрать лучшую жену. Моя кандидатура на пост верной спутницы оказалась не подходящей, к тому же в его жизни наступал новый период – работа и взрослая жизнь. Пока я отдыхала по путевке в Индии, он успел присмотреть себе очередную «девушку», о чём и сообщил мне через неделю после моего возвращения. Расстались мы без скандалов. Я попросила его больше не появляться мне на глаза. Он искренне мне это пообещал и укатил в Москву. А заклинание, заклинание – это уже из другой оперы.

– Писать надо разборчиво! – разъярённо заявила я. – Прекрати ржать! Я тебе говорю, – замахиваюсь на него.

– Что ты на меня кричишь? Я что ли, писал эту дребедень? Мне оно вообще даром не нужно! – Лель перехватил мою руку. На мгновение мы застыли, друг против друга, учащенно дыша. И я первой отвела взгляд от этих спокойных голубых глаз с густыми темными ресницами. – Если каждый станет... – не договорив, он отбросил мою руку и принялся разгневанно ходить по залу: четыре шага вперёд, разворот, четыре шага вперёд.

Я притихла. Не надо было так строго с ним – вон как раз-

нервничался. Из глубокого погружения в чувство вины меня вырвало его ворчание:

– ... с ней как с нормальной... и что? Одни оскорбления, нелепые подозрения. Права была мама. Смертные...

– Хватит, – примирительно хватаю за рукав этот маятник на двух мускулистых ногах.

– Отпусти! С меня хватит. Я тоже не напрашивался...

– Ну, извини... – Что может быть абсурднее, чем общение с галлюцинациями? Правильно, просить у них прощения.

– Избавь меня от своих... – попытался вырвать руку. – Что? – приложил другую руку к уху. – Мне послышалось, кто-то извинился?

– Извини, – послушно повторяю вновь, наступив логике и гордости на лицо и горло, – Лель.

– Как же умилителен твой вид и как заразительна радость от встречи с божеством, – он ухмыльнулся. – Не рычи только.

– Сколько дают за убийство бога?

– Столько не живут. Но тебе это не грозит. К тому же, рожать ребёнка в тюрьме...

– Действительно, – киваю с готовностью. – Что? Какой ребёнок?!

– Что, значит, какой? Наш, – и смотрит так, будто я пытаюсь всучить ему свою голову как его собственную.

– НАШ? – внезапно хриплым голосом переспросила я. – Кто наш?

– Чем ты слушаешь? Я уже битый час перед тобой распи-

наюсь.

– Не было ничего про ребёнка! Так я всё-таки с тобой переспала? – От испуга забываю, что говорю с галлюцинацией. – И как ты с ходу определил мою беременность? Так не бывает, – закрываю руками плоский живот. В пупке будто горячая бомба взорвалась и внутренности улетели в бесконечность. – Не было ничего! – авторитетно заявляю, прислушавшись к своим телесным ощущениям. Память тоже все отрицает, тактично отпихивая ногой в сторону пару белых фрагментов прошлого.

– Кто говорил про переспали? – устало уточнил Лель. – Я такого не говорил. К тому же у меня алиби, – сказав это, он невольно покосился вверх.

– А ребёнок откуда?!! – В голове полный сумбур. Лихорадочно перетряхиваю свои немногочисленные связи и убеждаюсь, что ребенконосительницей я быть никак не могу. Нет мужчины – нет ребенка. Непорочное зачатие – это из разряда мифов, кто в наше время поверит... Мечущийся взгляд споткнулся о настенный календарь, висящий в углу, откуда на меня смотрел улыбающийся племянник в россыпи ромашек. Застываю на верхнем ряде цифр с возрастающим чувством недоверия. Седьмое июля.

Задержка.

Две недели почти.

Первая в жизни.

– От заклинания! Помоги мне небо! – рявкнул гость. – Я

ведь тебе уже говорил. Ты превратила его из заклятья чумы в заклинание, дающее ребёнка от бога любви. Такие вот у тебя оригинальные способности, Мавра, обнаружились!

Как подкошенная падаю в кресло. Ничего себе белая горячка, или как это называется у наркоманов? А какая реалистичность! Что ж, видимо, мой мозг изрядно траванулся теми таблетками. Нет, надо вызвать все же психиатричку, потому что если это все взаправду... Юльке постучать в стенку, что ли, пусть уже спасет меня от этой надоевшей галлюцинации?

– Я бы почувствовала, если была... того... – неуверенно говорю ему.

– Ха! – резко выдохнул он. Я так поняла, что это ему заменило пару-тройку матерных пассажей. – После таблеток тех мерзких и с кашей, что у тебя в голове, помоги мне небо, ты бы заметила, когда у тебя воды отошли, наверное! Так и ходила бы с животом, подпирающим подбородок, списывая на таблетки, кишечный грипп, газы и вода знает что!

– Ну, знаешь!.. – зашипела я, как угли, на которые выплеснули воду.

– Я тоже не в восторге от случившегося. Понимаю ещё отвечать за то, в чём виноват, но за чужую безответственность... – Лель развернулся и вышел. – Выпей, – появился снова, протянув стакан воды.

– Ааа... как? – многозначительно дорисовываю в воздухе свободной рукой то, что не выговаривает язык.

– Самым прямым. Про непорочное зачатие слышала, милочка?

– Непо... что? Что-о-о-о!?! – вскакиваю с кресла, как ужаленная в самое дорогое. Вода из стакана щедро выплеснулась на не успевшего отскочить Леля.

– Угрозило же меня... – цедит он, глядя на оттянутую на груди двумя пальцами мокрую футболку.

– Ты или временем, или мифологией ошибся, дорогуша, – торжествующе говорю ему.

– Ты о чём? – божество опасливо отступило.

– Непорочное зачатие – это тебе две тысячи два года назад надо, к Марии, Гавриил. Или как там тебя зовут?

– Люди говорят, что меня зовут Лель – пора бы запомнить! И ничего я не напутал. – Он весь как сжатая пружина. – Непорочное зачатие было во все времена, только рекламы было меньше.

– Раз, два, после пяти – Мама, папа, прости, – запела я вполголоса бессмертную композицию «Тату». – Я со-о-ошла с ума-а.

– Опять двадцать пять, – хлопнул себя по лбу Лель.

– Меня полностью нет, Абсолютно всерьёз. Ситуация help, Ситуация sos.

– Мавра, ты ведь не дикая особа из Средневековья. Там бы и то, мне скорее поверили.

– Я поверила. И что? Я оказалась беременна! Что мне писать в графе отец? – хватаюсь за голову. – О чём я вообще

говорю?!

– Не так уж всё и страшно, – он попытался меня успокоить. – Ты станешь знаменитой...

– Подопытной мышью! – заканчиваю за него фразу. Следовало как можно быстрее сдаваться врачам, а не сидеть тут и думать об ирреальной беременности. Покой. Белая рубашечка с длинными рукавами. Уколы. Кашки. Прогулки два раза в день по полчаса. Просто сил не было дойти до телефона.

– Хорошо, держи это в тайне.

– Прекрати!! – топаю ногами, закрыв уши ладонями. Гипотетического ребенка внутри себя я не чувствовала нисколько. Зато осознала, сколько проблем он принесет с собой. Уже принес.

– Я подозревал, что ты неврастеничка. – Мои, почти дотянувшиеся до его горла, руки он легко обезвредил, заставив обнять его. Стал успокаивающе поглаживать спину. Это была мелочь, но такая приятная. Понимаю, что истосковалась по ласке и прикосновениям. К моему ужасу, из глаз полились слезы. – Поплачь, – участливо велел Лель. – Моя сестрёнка чуть что – сразу ревёт, говорит, становится легче.

– А может, того, рассосётся само? – Стать матерью я планировала, конечно, но в отдаленном будущем. Прикусываю губу, чтобы не разреветься, жалея себя.

– Обязательно.

С надеждой вскидываю на него глаза.

– Приблизительно через восемь месяцев.

Решительно высвобождаюсь из его объятий.

– Ты куда?

– В аптеку. Потом в больницу.

– Психиатрическую? – подозрительно уточняет он.

– Если не увижу две параллельные полосы (и здесь Лель!), то в нее самую.

– Купи в аптеке успокаивающие сборы какие-нибудь!
Очень рекомендую.

Уже на выходе из комнаты оборачиваюсь.

– А почему я, – спотыкаюсь о заковыристое слово, – забеременела именно от тебя? Ты единственный бог Любви теперь?

– Ты в любом мужчине находишь недостатки? Чем я-то тебе не угодил? – он вдруг обиделся.

– Уходишь от ответа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.